

A black cat is perched on a large, brown, textured rock in a snowy mountain landscape. The background features snow-covered slopes and a clear blue sky with some clouds. The overall scene is serene and wintry.

Алексей Бородкин

Новогодние  
хлопоты

12+

# Алексей Петрович Бородкин

## Новогодние хлопоты

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63762163](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63762163)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

Рождественский детектив, новогодний триллер, балаган... кутерьма... плюс магия и сила разгулявшегося беса – всё в одном "флаконе". Автор хотел позабавить читателей святочным рассказом, чтобы нахлынуло, чтобы, как в детстве: сказка, подарки, ёлка и мандарины. И безграничное счастье в душе. А всё началось с того, что на камне "величиной с комиссарову бричку" появился кот. И не простой кот, а трёхцветный. Хирург вышел почистить снег и обнаружил бездельника (хирург любил ругаться). Решил отрезать коту хвост – это нужно было сделать, ну, потому что...

# Алексей Бородкин

## Новогодние хлопоты

Последний день года 20XX от рождества Христова догорал. И хотя часы показывали ещё немногим более четырёх пополудни, месяц уже показался над трубами Мирьяновских выселок... впрочем, должно полагать, что и над Рудою, и над Мирьяновском, и даже над самим Санкт-Петербургом молодой месяц полоскал свои копытца в небесном корыте.

Шлейф зари – желтый с багровою сединою – обещал ночь ясную и морозную, уже сейчас снег скрипел под ногами так сдобно, так чисто, летел по переулку так далёко, что отразившись от крайней избы, возвращался ходуку нимало не ослабев.

"Добрая будет ночь, – подумал Афанасий Давидович Абашев; потянул ноздрями воздух, напоминая закоренелого кокаиниста, и поморщился, собираясь чихнуть, однако не чихнул, но подумал вдогонку, что следует растопить в гостинной камин, – а коньяк след поставить у каминной решетки, чтобы прогрелся, шельма".

Афанасий Давидович вышел на улицу, намереваясь подчистить снег перед околицей своей усадьбы, однакось Судьбе было угодно иным манером сформировать вечер "отставного полковника от медицины" – так Абашев именовал себя в тайне.

Справа от ворот, на камне величиною с комиссарову бричку (оставленном Природой на память о ледниковом периоде) сидел кот – кот не простой, трёхцветный с зелёными наглыми глазищами и невероятных размеров хвостом.

"Хвост придётся отрезать", – мелькнуло в голове Афанасий Давидыча, и мужчина всплеснул домиком брови, словно бы вопрошая: "Откуда? Какая шельма вложила такую абсурдную гипотезу в мою светлую не по годам голову?"

/прежде чем мы продолжим, отмечу, что слово "шельма" употребляется Абашеевым часто, оно любимо, и заключает в себе всю гамму чувств от яростного обожания до полного неприятия

Во-первых, Абашев страдал ринитной аллергией, и всякого рода хвостатых чурался и обходил стороной. Во-вторых, он не заметил, как над избою (что примыкала торцом к шинку) взвилось облачко чёрного дыма, и ведьма, выпрыгнув на орешниковой метле – самой продуктивной и скоростной из всех доступных мётел – ввинтилась в фиолетовость неба.

– Кто ж тебе бок обварил-то? – доктор Абашев протянул руку и погладил кота. – Подонки!

/прежде чем мы продолжим, доложу, что всякого рода ругательства – конёк и привычка хирурга, выработанная десятилетиями практики и непокойными пациентами

– Ну? Чего вылупился, мерзавец? Намекаешь на миску ка-

ши и спасительную операцию? Надеешься разжалобить меня, лишенец?

Доктор взял кота на руки и почувствовал в глубинах своей души неведомый доселе трепет. Как белизна зубов подчёркивает темноту кожи, так две личности, столкнувшись при диковинных обстоятельствах, подчеркнули бездну перекрёстного одиночества. Абашев имел в прошлом покойницу жену, в настоящем – взрослую дочь с амбициями и замечательными перспективами. Не обманывая ни себя, ни других, и первая женщина, и вторая оказались равноудалены от престарелого отца и мужа.

Кот пребывал, судя по худобе и облезлому боку, в схожих обстоятельствах.

– Хвост я тебе оттыпаю, – обещал Абашев. – Сейчас же велю Зинаиде подготовить операционную.

Человек полагает, а Господь располагает. Высшим силам во второй раз – дай Бог, не последний – за этот вечер захотелось подкинуть Абашеву загадку. Около его дома/ног затормозил уазик полицмейстера и "серый кардинал" выпрыгнул из машины на хрусткий снег. Вид имел озабоченный и даже растерянный, такой бывает у человека коего супружница отправила за сметаной, а тот, раззява, потерял деньги и разбил банку.

– Здравия желаю, Афоня Давидыч! – капитан вскинул к фуражке ладонь. – Я до тебе. Есть минутка?

– Минутка есть, – Абашев набылчился, – но пить не буду.

Мне ещё операцию делать.

– Кому? – удивился полицейский.

– Коту, – Абашев вытянул вперёд усатого, словно безоговорочный аргумент.

– А! – протянул капитан. – Коту!

Капитан приблизился к Абашеву, подтянул его за ворот к самому своему лицу и зашептал устами в самое ухо:

– Послушай, Афоня, какие дела у нас творятся! Вчера Славка Зуева пропала, а сегодня я анонимку получил! Побачь! – Капитан отобрал кота, сунул Абашеву письмо.

Бумага шелестела вельветом и создавала ощущение кленового осеннего листа, попавшего в руки оптимистическому поэту. Абашев начал читать. Письмена затейливо плелись, напоминая византийскую вязь, старо-русскую каллиграфию и афишу киношного декоратора единомоментно: "Доколе? Доколе землю русскую гишпанцы поганить станут? Сколь будем терпеть, православные? Согрешихом... беззаконовахом... коли нужон вам Николка-Греховодник... так пойдите и возьмите, поелику он мне претит... Взамен требую пятьдесят золотых червонцев".

Абашев пробежал глазами записку, не вчитываясь глубоко, лишь только в конце притормозил, ибо подпись его очаровала: "Письмо подмётное анонимное" – так было начертано в нижнем углу.

– Подмётное, – проговорил Абашев, перевернул лист.

Информация на обороте имела не меньшую ценность, для будущего расследования. Оказалось, что письмо написано на листе акварельной бумаги, на обороте письма Деду Морозу. В противоположность умелому подмётному, это письмо было составлено дрожащей детской рукой:

– Пусть все учителя в школе сдохнут, – озвучил Абашев, – особенно директор. А ещё хочу тёплые ботинки и шарф из шерсти ламы.

Возникла пауза, притом такая звучная и наполненная, что к песням "Аббы" из хаты на восточном краю деревни, прибавился звон рюмок на правом околотке.

– Что скажешь, Афоня?

– Скажу, что чепуха это, – ответил Абашев. – На постном масле. Пойдём лучше вздрогнем по маленькой.

– А кот?

– Пёс с ним, с котом. Зинаида покормит, а хвост отрежу завтра.

Капитан округлил глаза и признался, что впервые встречается с таким экзотическим кастрированием. Сказал, что едва ли метода возымеет действие, а когда Абашев открыл рот, чтобы возразить, сунул руку в глубины своей стёганки и извлёк два объекта округлой формы. Первым взглядом Абашев принял артефакты за рыболовные мормышки... уж слишком они были огромные и блестящие:

– Что это? – осведомился.

– Это усерязи из горного хрусталя, – сказал капитан. – Я

у жинки спросил. Сказала, больших денег стоят.

– Где взял?

– В чистом поле, вообрази. На кустике чертополоха.

– И что с того? – хмыкнул Абашев, давая понять, что бес-  
толковость подмётного письма не перевешивается стоимо-  
стью серёжек и экзотикой их обнаружения.

– Помоги, кум, – попросил капитан и сложил на груди ру-  
ки. – Иначе всю ночь проваландаюсь, как проклятый!

Капитан надавил на "педаль", коя частенько его вырочала.  
Дело в том, что два года назад мирьяне породнились: Абашев покрестил капитанову дочку, выступив ей отцом. Если же вглядываться в глубины абашевской души, то нетрудно отыскать признаки симпатии и даже влюблённости в капита-  
нову жинку – роскошную хохлушку с достаточным основа-  
нием, глазами персиянки и смоляною косою до самых чресл.

Узик подпрыгивал на ровной дороге, демонстрируя но-  
ров и прыть жеребца-трёхлетка, Абашев сидел на пассажир-  
ском сидении, вглядывался в огни зимней ночи и поездом  
терзал свою душу. Вдруг ему показалась, что та унылая оди-  
нокая ровная постылая жизнь в усадьбе хороша и уютна, а  
"теперь мчимся к чорту на кулички по какой-то пустяковой  
причине... к слову, куда мы едем?"

Абашев передал вопрос капитану, тот ответил, что едут  
они к умнику Петриенкову.

– Если в Мирьяновском какая-то заваруха случается, –

проговорил, – начинать расследование нужно с него. Это и к бабке не ходи.

Петриенков служил в администрации техническим консультантом... или на какой-то иной созвучной должности, однако местные жители не разумели мудрёного понятия и заменяли его "программистом" – термином не менее путанным и загадочным.

Петриенковская изба – поострённая ещё дедом – грудилась у колхозного сада и отличалась от иных хат высокою мачтой, коя оканчивалась антенной "четыре джи".

– С наступающим! – проговорил капитан, входя в двери. – Мир вашему дому!

Никто не ответил. Матушка Петриенкова, Марина Родионовна, куда-то запропастилась, очевидно, полезла в погреб за огурчиками, сам Петриенков сидел у компьютера – по экрану метались танки, полыхали взрывы – и окрика не услышал.

Капитан тронул мужчину за плечо и повторил приветствие:

– Здравствуй, Георгий.

Абашев подивился танкистскому шлемофону и лётным очкам, что были надеты на голову Петриенкову, однако ни возгласом, ни жестом не выразил своего удивления. Кум продолжил речь кратким вопросом:

– Рассказывай! – и положил перед Петриенковым лист анонимки.

Тот пробежал глазами подмётное письмо, и чистосердечно во всём признался:

– Знать ничего не знаю!

– Это понятно, – откликнулся капитан. – Рассказывай, что натворил.

После нескольких минут препирательств и пары оплеух, вырисовалась следующая картина "располагающая к преступлению" – так сформулировал капитан. В октябре месяце Петриенков наткнулся на сайт, на котором предлагалось выписать к новому году Санта Клауса. За небольшие – по акции – деньги, лишь только потребовалось заполнить анкету и указать адрес.

– Я выписал, – Петриенков развёл руками, будто признался, что выудил двух пескарей.

Капитан повёл носом и благородное его "нюхачество" почувало запах горилки, выгнанной на шафран и груши сорта "бергамот".

– Шафран? – спросил он в пространство, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

– С грушами, – подтвердил Петриенков.

После чего капитан развернулся к Абашеву и выговорил с известной долей патетики:

– Не можно, кум, продолжать расследование не выкушав хотя по чарке водки. Неужто мы с тобой нехристи?

– За новый год! – скупно согласился Абашев и выпустил из рук кота.

...Месяц значительно переместился по небу, а заря окончательно погасла, уступив место ночи, когда все обстоятельства "нахальства" были исследованы в полной мере.

– Чем тебе Дед Мороз не угодил? – спрашивал капитан повторно и расстёгивал верхнюю пуговку кителя. – Он ли тебе подарков не дарил?

– Я... – Петриенков икал и напоминал собою Петруху из "Белого солнца пустыни", – экзотики захотел. Побаловать желал... мирьян.

– Побаловать бы тебе розгами, – пригрозил капитан и сложил у физиономии Петриенкова кулак, мало уступающий размерами кузнеческой наковальне. – Из педагогических соображений.

Ореховая метла несла ведьму по чистому хрупкому небу, месяц звенел и блистал, точно влюблённый парубок, поцелованный своей невестой, узик нехотя заурчал и тронулся с места, взяв курс на неведомые ориентиры.

– Куда теперь? – осведомился Абашев с некоторым даже безразличием. Горилка старухи Петриенковой оказалась чудо как хороша, и Афанасий Давидыч позволил себе значительного лишку; теперь по душе его разлилась лень и утвердилась истома, так любая всякому престарелому бездельнику.

– На север! – отозвался капитан и тремя сложенными пальцами указал в лобовое стекло. – За Санта Клаусом!

– Рехнулся? – спросил его кум и несколько даже оживился.

Мысли капитана не отличались затейливостью, меж тем, и отсутствием логики их невозможно было упрекнуть: "Дед Мороз из Устюга, – рассуждал капитан. – Устюг на востоке. Санта Клаус из Лапландии, по телевизору показывали. Лапландия на севере".

Результат не заставил себя долго ждать, лишь только машина выехала за выселки, миновала поле, засеянное прошлым летом подсолнечниками и кукурузой, о чём свидетельствовали высокие почерневшие стебли и чрезвычайная пугающая пустота, навевающая мысли о бренности живой плоти и о лысине певчего Кизяколупенко из церкви Святого Николая. Когда он пел псалмы, а обладал мирьянин самым завидным басом, плешка его розовела и покрывалась испариной.

– Мать честная! – капитан остановился, вдавив педаль в самый пол, отчего узик возмутился и загальмовал. – Кум! Ты это видишь?

Абашев не отвечал, в первое мгновение он припал к стеклу, затем осознал, что находится в машине, что можно открыть дверь и выбраться на воздух, поступил указанным образом, вышел и побежал вперёд, в лог, что соединял выселковский пруд с прудом Руды, расположенным семью километрами ниже. Капитан устремился следом.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.